

Жизнь определяется нашим духовным состоянием

В адрес сайта Православие.ру приходит много вопросов, которые читатели адресуют профессору Алексею Ильичу Осипову. Мы отобрали из них наиболее часто задаваемые: о сомнениях в вере, о том, как научиться узнавать волю Божию, как подавать милостыню, почему православные терпят лишения и есть ли вообще справедливость на земле.

Какая милостыня правильная?

Что большего можно сказать об этом, чем сказал Христос? «Не труби перед собою» (Мф. 6: 2). Было такое у еврейских фарисеев: встать на перекрестке улиц и трубить в рожок – подавать знак, чтобы к ним сбегались нищие, и затем величественно подавать им. Христос осудил это. А помните, как Христос оценил лепту вдовы? Она дала меньше всех, а Он назвал ее жертву самой большой. Суть милостыни, оказывается, заключается не в том, сколько ты дал. Совсем нет. А в том, с какой душой это делаешь: ради похвалы человеческой, с тщеславием, человекоугодием, расчетом или чтобы исполнить заповедь Божию о любви к ближнему.

Есть замечательное высказывание у преподобного Никона Черногорца, сербского святого XI века: «Яко лучше есть нищим раздать имения своя, нежели приносить та к церквам и украшати их». По-русски: «лучше давать нищим, чем украшать церкви!» А то подчас хвастаются: «Я поработал для Церкви». (Пришел с Жигулями, а ушел с Мерседесом.) Ведь, доходит и до того, что табличку в церквах вешают: «Помощью такого-то (имя, отчество, фамилия) наш храм украсился и т. д.». Что мы делаем?! Отнимаем этим у человека его доброе дело, развивая у него тщеславие. Господь же говорит: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6: 3).

Каждая истинная добродетель глубоко целомудренна. И это очень важное святоотеческое положение. Не разгульная, когда готова раздеться до последней нитки. А целомудренная, которая скрывает себя, а не выпячивает, никуда не лезет.

Обратите внимание: Христос, воскресив 12-летнюю девочку, дочь Иаира, родителям ее повелел никому об этом не говорить (см.: Мк. 5: 38–43; Лк. 8: 51–56).

Это естественное свойство любой добродетели – целомудрие. И самая суть милостыни – в этом. И чем более целомудренна милостыня, тем более она исцеляет нашу душу. И наоборот.

Милостыню можно давать и без всякой любви – и это мы давным-давно наблюдаем на Западе. Там как её подают? Просто перечисляют со своего счета. А как много значит личное соприкосновение с человеком! Прийти к больному или старому человеку и лично помочь ему – как это много значит! Это совсем другое нравственное и психологическое впечатление производит на душу и дающего, и получающего по сравнению с тем, если я просто перевел деньги на чей-то счет. Такая милостыня душевнее, полноценнее, нежели заочно, да еще без всякой души формально перечислить кому-то деньги. Ибо нет милостыни там, где нет любви.

Есть ли справедливость на земле?

Моя бабушка (она скончалась в 1931 году) говорила: «Правда закормленная, запоенная, сидит вон в том углу, а никто на нее и смотреть не хочет». А бабушка игумена Никона (Воробьева) говорила так: «Правда – на дне моря, да еще с якорем» – чтобы никогда не всплыла и ее вдруг не увидели. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что правда этого мира есть совсем не правда Божия, потому что мирская правда, как правило, морально обесценивается очень многими человеческими неправдами: расчетами, лукавством, лицемерием, притворством, а то и обманом. Вот он, **христианский принцип: где нет любви, там нет правды, истины, нет добра, нет и счастья.** Действительно, требовать правды есть дело справедливости, а жертвовать ею – дело любви.

А.С. Хомяков высказал гениальную мысль, которая могла бы ответить и на вопрос, о котором очень многие говорят, спрашивают, интересуются - в чем заключается «русская идея»? Хомяков, хотя и не прямо на этот вопрос отвечал, но сказал, действительно, о самой его сути: **«Единство в свободе по закону любви».** Речь здесь не просто о юридических свободах. Нет, никакие права человека не могут быть ему добром, если в них нет любви. Конечно, свобода, кажется – великое благо. Но без любви она становится произволом, своей противоположностью. Нужны доказательства? – «Charlie Hebdo». Разве можно издеваться над тем, кто является святыней для человека и тем более, для множества людей! Издевались над Мухаммедом – и получили сами.

Что делать, когда приходят сомнения в вере?

Во-первых, надо помнить, что сомнение – если это не рассуждение, а именно сомнение, которое, я вижу, вообще подрывает во мне веру как таковую, – есть такой же грех, как и грех лукавства, например, обмана, воровства и т.д. Это грех. Потому что одно дело – анализировать какие-то

вопросы, в данном случае для меня непонятные, и совсем другое, когда эти сомнения переходят в стадию прямого отрицания веры. Нужно же помнить, как часто мы ошибаемся, не зная многих сторон того или иного вопроса. В данном же случае речь идет не об одном из вопросов, а о смысле всей жизни, и от решения этого вопроса может зависеть вся моя будущность и земная, и вечная. Поэтому с сомнениями нужно быть в высшей степени осторожными. Это равносильно работе тех, кто разминирует: одно неосторожное движение – и смерть.

Второе: нужно помнить духовный закон жизни человека: дух (то есть духовное состояние) творит себе формы. То есть, именно мое духовное состояние определяет все направления моей жизнедеятельности: и мировоззрение, и всю практическую жизнь. Это очень важный закон, который, к сожалению, остается вне поля зрения многих людей, в том числе даже и нас, христиан. Поэтому нужно заботиться о своем духовном состоянии. Чем более оно будет правильным, тем меньше будет и самих сомнений и тем легче, кстати, будут разрешаться те вопросы, которые, естественно, возникают в нашей душе.

И третье, на что хочется обратить внимание: не нужно смущаться, когда приходят сомнения. У кого их только не бывает. Но всякому искренно ищущему, а не ради праздного любопытства развлекающемуся, ответ обязательно будет, найдется книга или человек, или обстоятельства. То сам найдешь ответ, то прочтешь, то подскажут. Всеу свое время. Жизнь постоянно убеждает в истинности слов: «ищите и найдете» (Мф. 7: 7).

Не приходится удивляться тому, что у человека возникают сомнения, – о, если бы только они одни! А что еще, кроме сомнений, бывает? – Такие вещи, о которых и сказать нехорошо, и во веки веков не скажешь. Как говорил герой романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: «О, если бы только открылось, что в моей душе творится, то, думаю, всему миру задохнуться бы пришлось!» Так вот, и этому не нужно удивляться. Природа наша повреждена и много чего возникает в нашей душе.

Но как относиться ко всему нехорошему, что во мне возникает? – Я понимаю, что это нехорошо, и стараюсь бороться с этим. Надо бороться, а не удивляться. Мы – и это надо крепко запомнить – больные духовно. И родились здесь, в больнице, которой является наше бренное земное бытие. И эта наша болезненность проявляется в самых различных видах, в частности и в сомнениях.

Как научиться узнавать волю Божию?

Как узнать волю Божию – избави Бог стараться проникнуть в ум Божий, разгадать, что Он думает. Это ужасно и глупо! Так нельзя даже ставить вопрос! Он должен быть таким: как мне исполнить волю Божию? Как мне не оказаться противником воли Божией в своей жизни или в том или ином поступке? Ответ есть, и он всем известен: насколько хватает у тебя, человек, твоего глупого ума – подчеркиваю: глупого, потому что все мы оглупили себя своими страстями, насколько хватает твоей сожженной совести – подчеркиваю: сожженной, поскольку непрерывно сжигаем её своими мыслями, чувствами и делами против этого голоса Божия – нужно поступить по этому уму, но искренне, и по этой совести, но искренне. Если с чисто совестью поступим – это и будет исполнением воли Божией. Потому что Бог хочет от нас только одного: чтобы мы поступали разумно и по совести. Разумно, ибо Бог дал нам свет и разум, и призвал к разумности, а не к безумию. Святые отцы потому и говорили: «Нет добродетели, добра без рассуждения».

Так вот, когда я поступаю так – не лукаво и не оправдывая себя, тогда я и поступаю по воле Божией. И тогда, даже если ошибаюсь, делая что-то неверно, но искренне, то, как утверждают все отцы Церкви, Господь это исправит, видя мое желание поступить по Его воле.

Почему мы сегодня терпим лишения?

Потому что Россия еще жива.

Как-то раз я гулял по Вене с одной дамой. Дело было ранним летом, вокруг всё зеленело, цвело, ну просто красота. И она задает мне вопрос: «Как всё здесь красиво! А почему же у нас-то в России всё как-то неустроенно? Ну почему же так?» И я на эти ее восклицания ответил тоже вопросом: «Как вы думаете: кого лечат, а кого украшают?» Она смотрит на меня с недоумением. Поясняю: «Лечат больного, а украшают – покойника. Вена – прекрасный город. Но посмотрите: впечатление такое, что людям тут уже больше ничего не надо, здесь уже чуть ли не рай. Никакого другого рая не надо. И вы верующие в какую-то жизнь вечную, посмертную, оставьте её себе. Нам не нужно ни Неба, ни Бога – и здесь хорошо. А о смерти лучше не думать». Конечно, это мысли страуса, спрятавшего голову в песок перед лицом смертельной опасности. Но именно такова психология духовной смерти подавляющего числа людей, живущих в комфортных условиях.

Все наши неприятности и трудности – это признак того, что наш народ еще не умер. Больного лечат. Лечат по-разному: бывают сладкие лекарства, бывают горькие. А бывают и операции. Но это и есть лечение. Так что все наши лишения свидетельствуют: мы живы.

Но, конечно, наше счастье, нашего народа, что мы не знаем, какие огромные силы непрерывно работают на разрушение России. Посмотрите, Германия, да и почти вся Европа, побеждённая, вся разрушенная и как воскресла, а наш народ глупее что ли, или у нас ресурсов природных мало? Нежели не понятно?!

Но без скорбей, без трудностей невозможно человеку отрешиться от этой вот земли, которую ему все равно придется покинуть, хочет он этого или не хочет.

Расскажу об одном показательном случае, который произошел в Женеве. Его мне поведал наш представитель при Всемирном Совете Церквей (в него входят порядка 300 различных церквей: и протестантские, и почти все Православные Церкви, в том числе и наша). Умирает генеральный секретарь ВСЦ Виссерт Хуфт – фигура номер один этой экуменической организации. В кафедральном соборе Женевы – большой и очень красивой кальвинистской церкви – назначено прощание с умершим. В храме поставили портрет покойного, собралась публика из разных стран – как-никак событие. Идет «прощание» – перед портретом. А в это время тихонечко на соборную площадь въезжает катафалк с гробом самого генерального секретаря. Тихо-тихо въезжает и припарковывается в самом дальнем от собора углу площади. «Прощание» заканчивается, все расходятся. Никто не подходит к гробу. И только несколько человек ближайших родственников покойного идут, стараясь не привлекать внимания, туда, в дальний угол площади, где стоит катафалк, садятся в машину и уезжают на кладбище. Никто умершего не видит. И не надо видеть! А зачем напоминать о смерти? Мы вечно живем здесь, на земле – мы же христиане?!

А что показывают по телевизору? Веселье, фестивали, пляски, игры, соревнования... А показывают ли больных? Показывают, сколько людей страдает и как? – Это редкое явление. Сколько страданий – а мы чем живем? О, если бы только мы увидели эти страдания, тогда, возможно, изменился бы наш взгляд на жизнь, изменилось бы и наше отношение к людям.

В конце концов нужно понять, что наша земная жизнь – это не курорт, а больница. И ее задача вовсе не в том, чтобы мы уже здесь получили все блага и наслаждения, а в том, чтобы здесь, на земле, мы хоть немножко поняли, что мы смертны, что есть вечность и обратились к Богу. Ибо, как пишет апостол Павел: «не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего.» (Евр. 13: 14). Это, хоть немного, но ещё помнит Русь. Вот почему у нас трудности. И они будут – пока мы хоть чуть-чуть, но живы.

Один подвижник со слезами молил Бога: «Господи, почему у меня нет скорбей? Чем я Тебя прогневал?»